

Владимир Данченко

"КОНТРАКУЛЬТУРА": КАРАТЬ ИЛИ ЖАЛОВАТЬ?

"Социологические исследования". №2, 1988. с.140-142 (частично)

16 мая в программе "До и после полуночи" я видел презабавнейший сюжет. Показали отрывок из фильма "Стоит лишь тетиву натянуть" (о наших хиппи, металлистах и т.п.), по поводу которого затем предложили высказаться социологу, доктору исторических наук Игорю Васильевичу Бестужеву-Ладе. Не долго думая, Игорь Васильевич натянул тетиву и... сказал, что все это пришло с Запада (не наше, чуждое нам явление), причем Запад всё это лет пятнадцать назад пережевал и выплюнул (не модно, постыдились бы); всё это есть не что иное, как разновидность контркультуры, отрицания культуры (ну не ужасно ли?), осуществляемого с целью самоутверждения (слабаками, неспособными к положительному, культурному самоутверждению); но ничего, перебесятся, – хотя многие и пострадают (лечить надо). "Поразив цель", Игорь Васильевич подчеркнул, что испытывает к ней профессиональный интерес.

Я человек далекий от социологии, но простодушие этого большого ученого произвело на меня столь сильное впечатление, что я решил изложить и свою точку зрения на затронутые им вопросы. В самом деле, если приведенные выше банальности здравого смысла есть последнее слово социологической науки, то чем я не социолог?

Общая отрицательная оценка, даваемая Игорем Васильевичем соответствующему кругу социальных явлений представляется мне недостаточно аргументированной. В качестве аргумента приводится, например, тот факт, что "всё это пришло с Запада". Подобный аргумент в устах доктора исторических наук звучит по крайней мере странно. Мало ли что пришло к нам с Запада? Не только хохолки панков, но и тот костюм, в котором Игорь Васильевич выступал перед телезрителями, "пришел с Запада"; Запад стал для нас законодателем

мод начиная с петровских времен. Почему мы упорно продолжаем осуждать молодежное "подражание Западу" несмотря на то, что подражали ему не только наши отцы и деды, но прадеды и прапрадеды, – вот проблема, достойная социолога. Да что мода! С Запада к нам пришло христианство, "позитивная наука", марксизм. С Запада пришла в том числе и "молодежная культура" (назовем так условно феномен, в котором еще только предстоит разобраться). Что к нам вообще не пришло с Запада – вот в чем вопрос. Некоторые коллеги Игоря Васильевича говорят о нашей "культурной пластичности", обусловленной чрезвычайно ограниченным числом жестко фиксированных элементов славянской культуры. Но что это за "элементы"? – Вот вопрос, действительно заслуживающий внимания. А то ведь даже "русская" гармошка – и та пришла к нам с Запада.

Далее Игорь Васильевич говорит, будто сегодня наша молодежь жует то, что западная выплюнула лет пятнадцать назад. Мне уже за тридцать, и я, признаться, давненько перестал следить за тем, что жует и что выплевывает западная молодежь. Однако точно могу сказать: "жевать" у нас начали приблизительно тогда же, когда на Западе, в конце шестидесятых годов. Именно в это время разворачивается движение хиппи в нашей стране и стихийно складывается всесоюзная "система" приютов. Так что не молодежь, а почтенные социологи хватились лет пятнадцать спустя. И вне зависимости от состояния движения хиппи на Западе, достойным социолога было бы исследование причин устойчивости данного социального феномена у нас. Ведь движение не исчерпалось даже тогда, когда "мода" на хиппи ушла (как говорили сами хиппи, "мода уходит, а хиппи остаются"). Более того, пару лет назад эта мода вернулась под знаком "ретро" – становление самосознания и мировоззрения целого возрастного слоя нашей молодежи вновь протекало в условиях хиппового образа жизни. Не свидетельствует ли это о цикличности развития "молодежной культуры"? Небезынтересным для социологического исследования будет и тот факт, что каждое новое ("модное") молодежное движение не устраняет предшествующих и не устраняется последующими – все эти движения ныне сосуществуют. То есть налицо усложнение,

дифференциация "молодежной культуры": у молодого человека появляется возможность выбирать микросреду своего становления.

Создается впечатление, однако, что указание на западное происхождение "молодежной культуры" служит для Игоря Васильевича вполне достаточным ее объяснением, делая дальнейшее углубление в проблему как бы излишним. Ибо речь идет о явлении, несомненно, "чуждом нашему обществу", то есть наносном, лишенном социальных корней. А раз корней, нет, то и копать нечего. Пусть буржуи ломают себе голову, откуда это неподobie взялось, – наша задача заключается в том, чтобы ликвидировать его. Здесь страусиная методология, традиционная для обществоведения эпохи застоя, дополняется конструктивным подходом, созвучным духу времени. Учений считает своим долгом активно воздействовать на "изучаемые" процессы, поскольку в лице хиппи, панков и прочих "мы имеем дело с контркультурой, а контркультура, – говорит Игорь Васильевич, и в голосе его появляются патетические нотки, – выступает против культуры". Получается почти как в анекдоте: чего там думать, – спасать надо! Культура в опасности!

Не знаю, выплонула ли западная социология миф о молодежной "контркультуре", но жевала она его не менее пятнадцати лет назад. Контркультура представлялась ей некой особой, "новой" культурой, которая грядет на смену буржуазной. Злорадствуя по поводу буржуазного мифотворчества, советская социология все эти годы не утруждала себя изучением функций данного феномена в рамках породившей его культуры, предпочитая усматривать в нем исключительно свидетельство близкого конца последней. Справедливо отрицая выработанное буржуазной наукой понятие "молодежной культуры", отождествляемой с "контркультурой", наша социология все эти годы пыталась отрицать и явление "молодежной культуры", – тем более советской "молодежной культуры". Теперь же, когда дальнейшее отрицание этого явления стало невозможным, дает себя знать отсутствие опыта его научного осмысления – и в ход идет лежалый западный миф о "противо-культуре".

Молодежь еще не знает, что такое культура, поэтому не может и выступить против нее, – во всяком случае, против той культуры, при

упоминании о которой у нас с Игорем Васильевичем меняется голос. Эту культуру человек открывает для себя в гораздо более зрелом возрасте. "Контркультурная" молодежь выступает прежде всего против знакомых ей явлений массовой культуры, рассчитанных на бездумное потребление, – против той "культуры", что несут в массы иные лауреаты премии Ленинского комсомола. Напротив, западная массовая культура в СССР не является массовой: чтобы войти в соприкосновение с ней, требуются известные самостоятельные усилия. Самостоятельные усилия требуются для освоения любой молодежной "моды", в чем бы она ни проявлялась; моде отнюдь не "слепо следуют", как полагают отставшие от моды моралисты, – моду именно осваивают, целенаправленно осваивают. Разумеется, с точки зрения вечности предметы массовых самостоятельных устремлений молодежи недостаточно возвышенны; но было бы достойным социолога попытаться выяснить, почему наши культуртрегеры требуют от молодых людей непременно мировых рекордов высоты и в то же время пытаются пресекать любые их самостоятельные попытки взять для начала хотя бы метровую планку.

Молодежный "бунт" против массовой культуры как бы разгоняет ряску с поверхности, позволяя увидеть чистые глубины; делается это, естественно, инокультурной (самодельной или заграничной) палкой. И не надо драматизировать ситуацию: поверьте, совсем не много ума требуется, чтобы смекнуть, что все эти "олрайт-тунайт" еще более примитивны, чем глушимые ими тексты советской эстрады. Достойным социолога было бы обратить внимание на тот факт, что западная массовая культура во всем своем великолепии выполняет в рамках нашего общества не более, чем роль катализатора культурно-поисковой активности молодежи. И что именно поэтому наметившаяся тенденция к "легализации" этой культуры, обусловленная якобы учетом молодежных запросов, является серьезным просчетом нашей культурной политики. Труд быть молодым – не тот труд, который нуждается в облегчении; молодежь нуждается в понимании, а не в потакании. С другой стороны, "запросы" молодежи невозможно удовлетворить в принципе. Молодежь никогда не удовлетворится потреблением того, что ей предложат, даже если вчера она желала именно этого, – но всегда

будет стремиться к достижению того, чего нет в наличии. Молодые люди тем и отличаются от "взрослых", что стремятся к освоению спектра возможностей потребления, а не к потреблению как таковому.

Короче говоря, уже при первом приближении видно, что в лице "контркультуры" мы имеем дело со сложнейшим комплексом проблем становления личности. Не разобравшись, что представляет собой "контркультурная" молодежь, Игорь Васильевич спешит вразумить ее, призывая "посмотреть на себя со стороны". Нашли, мол, чем самоутвердиться – заклепками! Жуете западное старье, – а не слабо ли выработать свою собственную моду? Однако ввиду недостаточной осмысленности возгласы эти повисают в воздухе. Действительно, **зачем** нужна искусственная мода? (Что это была бы за мода, нетрудно представить по аналогии с искусственно выработанными так называемыми "советскими обрядами", участвуя в которых хочется провалиться сквозь землю.) Мода не вырабатывается, мода складывается, и "фабриканты моды" не прогорают именно потому, что чувствуют, как она складывается. В неявном же предположении Игоря Васильевича о принципиальной возможности "вырабатывать" моду слышится отзвук наивных технократических представлений о культуре как механической системе, доступной произвольным модификациям. Впрочем, несправедливо было бы ставить технократические иллюзии в вину Игорю Васильевичу, ибо это беда всего нашего обществоведения. Странно другое. Похоже, Игорь Васильевич не сознает, что "контркультурная" молодежь самоутверждается не заклепками, а созерцанием реакции на эти заклепки – реакции вроде той, которую дал сам Игорь Васильевич. Похоже, не отдает он себе отчета и в том, что трактовка "контркультурных" проявлений в качестве дешевого самоутверждения есть расхожий филистерский ярлык, а не социологическая оценка.

Игорь Васильевич мог бы сполна узнать цену "контркультурному" самоутверждению, вывернув пиджак подкладкой наружу, привязав к ноге консервную банку и пройдясь разок козырем по Калининскому проспекту. Думается, что совершить такой акт ему было бы труднее,

чем написать очередную монографию. Конечно, молодому человеку труднее было бы написать монографию, но ощущения на проспекте он испытал бы не менее сильные, чем социолог; и, что немаловажно, в случае чего не смог бы документально подтвердить, что "проводит социологический эксперимент". Возможно, эксперимент такого рода, пусть даже мысленный, натолкнул бы Игоря Васильевича на вопрос, почему молодежь, вместо того, чтобы "расти духовно, выполняя общественные поручения" (здесь я цитирую другого крупного специалиста, С.М.Ковалева)*, обращается к столь накладным формам самоутверждения. Да и вообще – самоутверждение ли это?

* См.: Ковалев С.М. Воспитание и самовоспитание. М., 1986, с.17

Нежелание исследователей "опускаться" до уровня исследуемого объекта оборачивается притягиванием его к себе за волосы, то есть наделением "контркультурной" молодежи качествами зрелой личности и реконструкцией движущий ею мотивов в соответствии с логикой взрослого человека. Подобное отношение к молодежи напоминает средневековое отношение к детям: в те времена полагали, что дети отличаются от взрослых только ростом. Ныне склонны полагать, что молодой человек, достигший юридического "совершеннолетия", отличается от взрослого в основном только знаниями и умениями, что он воспринимает себя и других как взрослый, и что в своих поступках он преследует вполне взрослые цели. Иными словами, различия в поведении молодых и более зрелых людей склонны объяснять различием средств, а не различием целей, – склонны объяснять недостаточной "вооруженностью" молодого человека. "Зачем ты носишь серьгу?" – спрашивает у него социолог. – "Чтобы не быть похожим на других!" – "Понятно", – улыбается социолог, соображая, что надеть серьгу быстрее, чем... чем всё остальное.

Между тем молодой человек "самоутверждается" столь непрестижным и дурацким, с точки зрения взрослого человека, способом далеко не случайно. Юродствуя, он как бы вызывает огонь на себя и в то же время дает фору, "тянет крыло", предлагая желающим продемонстрировать их силу и ловкость, ощутить превосходство, "самоутвердиться" за его счет: вот он я, налетай! Стоит лишь тетиву натянуть... Пожилые любители легкой наживы с

готовностью ловятся на эту удочку, позволяя молодым "самоутверждаться" за свой счет: "Ага, дядя не рубит. И чему его в школе учили?" Однако сия нехитрая диалектика не отражает существа происходящего. Существо происходящего ускользает от сознания обеих сторон.

Зачем молодому человеку быть "непохожим на других"? Чтобы тем самым "самоутвердиться"? Но чтобы утверждать себя, надо себя знать, а молодой человек как раз тем и отличается от взрослого, что не знает себя. Он не знает, на что способен, а на что не способен, не знает, умен или глуп, красив или уродлив, хорош или плох. Он рабски зависим от случайных внешних оценок и болезненно на них реагирует. Он готов буквально с оружием в руках защищать некий фантастический "образ себя", – будучи же побежден, готов принять другой, не менее фантастический "образ". Он не знает своей подлинной цены, не знает своего места в системе "взрослых" координат.

Самоутверждение молодого человека неразрывно связано с его самоопределением. Но самоопределиться, то есть определить, кто он есть, сам он не может. Ведь он действительно "рождается не фиктеанским философом с зеркалом в руках", – зеркалом для него служат другие люди. Он узнает себя, узнавая их, – сопоставляя себя с ними; он узнает себя и в их реакциях на свои проявления. Короче говоря, он может самоопределиться, найти себя лишь во взаимодействии с другими людьми. Инстинктивно чувствуя своё положение, молодой человек стремится любыми средствами интенсифицировать процесс взаимодействия, создать максимальное число ситуаций, способных разрушить окружающую его стену безразличия (равно как и потакания, которое есть обратная сторона безразличия) и обеспечить многогранность самооценки, а тем самым и надежность, "подлинность" образа себя, его независимость от непостоянства внешних оценок. Причем каждому новому поколению приходится изобретать всё более экзотические формы борьбы с равнодушием, способные возмутить всё более искушенных предшественников, вывести их из покоящегося, самозацикленного состояния; даже в рамках "молодежной культуры" каждое новое поколение становится своеобразным антиподом предшествующего.

Молодой человек хочет быть "непохожим на других", чтобы на него обратили внимание: подобно малому ребенку он попросту пытается привлечь к себе взоры окружающих. Но если малое дитя достигает этого криком, то молодой человек действует более разнообразными средствами. Важно и то, что он стремится привлечь внимание не столько "мудрых наставников", сколько всей жизни во всей ее немудреной полноте, которая отнюдь не исчерпывается прекрасным, добрым, вечным. Он хочет, чтобы что-то произошло, – безразлично что, – ведь любое событие принесет ему весть о нем самом.

При этом "провоцируемая" сторона не сознает, что она предоставляет провоцирующей стороне обратную связь, а провоцирующая сторона не сознает, что спровоцированная ею реакция есть обратная связь; средства "контркультурной" интенсификации лишь незначительно увеличивают к.п.д. этого по существу произвольного развивающего взаимодействия. Игорь Васильевич может в какой-то степени прочувствовать сложности приема стихийно предоставляемой обратной связи, – моя неакадемическая реакция на блеск его профессионального апломба в чем-то напоминает реакцию ветерана на блеск заклепок металлиста. Но "контркультурная" молодежь получает обратную связь, как правило, в гораздо менее конструктивных формах: она сталкивается с полным отсутствием логической аргументации, чудовищными обвинениями, грубыми оскорблениями, издевательствами и рукоприкладством.

В целом же ситуация молодого человека подобна положению лягушки, попавшей в кувшин со сметаной: чтобы не остаться здесь навеки, чтобы обрести опору для прыжка, она должна взбить из сметаны масло. Подобно лягушке, молодой человек не знает, что его метания могут принести какой-то результат.

Такова одна из обратных сторон "контркультурного" эпатажа. И если бы стремление к объективности не заставляло социолога подражать физику, имеющему дело со своим предметом лишь по следам на фотоматериале и статистическим выкладкам; если бы социолог не обманывался наличием у своего предмета дара речи и не требовал от молодых людей объективной самооценки; если бы

социолог рискнул вчувствоваться в свой предмет, отождествиться со своим предметом и пережить это беспросветное состояние лягушки в сметане, он наверняка бы воскликнул, – подобно одному инспектору милиции, пожелавшему "лучше узнать врага", и с этой целью испытывавшему на себе действие молодежной психоделической химии, – "Бедные дети!" Ибо не в наших силах помочь им взбить масло: это их труд. Единственное, что может помочь измениться лягушке, – наша любовь, любовь "глупая", безусловная, как в сказке.

А пока что Игорь Васильевич мудро призывает молодых людей "посмотреть на себя со стороны", устыдиться своих нелепых прыжков и впредь их не совершать, вести себя достойно. Непонимание происходящего ученый компенсирует традиционной самоутвержденческой формулой "взрослого" человека: "Перебесятся!" Поддержаются и перестанут. Мы, мол, выше этого. Только выше ли? Не свидетельствует ли наше непонимание об обратном, – о том, что мы в своё время не взбили масла и пошли по линии наименьшего сопротивления? О том, что в нашем жизненном опыте отсутствует реальная перспектива, исходя из которой мы могли бы дать осмысленную оценку "контркультурному" этапу становления личности? О том, что в наше время стать "взрослым" было проще?

Усложнение мира человека естественно повлекло за собой усложнение "механизма" производства человека как творца этого мира. Так, вторая половина XX в. отмечена становлением качественно нового элемента указанного "механизма" – своеобразного "тренажера личности", условно именуемого ныне "молодежной культурой". Выше я коснулся некоторых ее функций: функции развития элементарного чувства социальной компетентности (через освоение моды), ограждения от обезличивающего действия отечественной массовой культуры (через освоение инокультурного и продуцирование "контркультурного" материала), а также интенсификации развивающего взаимодействия с миром (через эпатаж). Можно упомянуть и такую очевидную функцию "молодежной культуры", как развитие элементарного чувства социальной принадлежности ("мы"-чувства): ясно, что если бы в предложенном мною эксперименте

Игорь Васильевич вышел на проспект с командой ряженных докторов наук, то извлек бы из ситуации качественно иной опыт, чем если бы был один.

Комплекс перечисленных (и многих других) функций, по отдельности выделяемых лишь в абстракции, представляется непосвященным внешним наблюдателям каким-то бессмысленным нагромождением болезненных случайностей, неким возрастным "бешенством", которое нужно поскорее перерастить и забыть; топтать ногами да брызгать слюной – вот и все, фактически, чем могут помочь целители несчастным, пораженным этим загадочным недугом. Хотелось бы надеяться, что картина станет менее безотрадной, если теоретическое зрение исследователей будет сфокусировано следующим объяснительным принципом: "контркультурная" самодеятельность молодежи есть первичная самореализация, деятельное формирование самосознания личности как субъекта культуры. Иными словами, "контркультурная" самодеятельность есть свободный процесс личного поиска своего места в социальном "механизме" производства человека – "механизме" культуры, в котором нет лишних "деталей" и каждому найдется дело. Эта идея безотходности человеческого производства также могла бы способствовать обострению теоретического видения исследователей. Вспомним, что одними из наилучших наших учителей были учителя никуда не годные: ведь именно они зажгли в нас искру решимости никогда им не уподобляться.

* * *

Проблема "молодежной культуры" не входит в сферу моих профессиональных интересов: настоящий текст явился конкретной реакцией на конкретное выступление и обусловлен кругом вопросов, затронутых данным выступлением. Вместе с тем в ходе "погружения в тему" предо мной возник целостный образ "молодежной культуры", – образ, на мой взгляд, достойный внимания всех заинтересованных лиц.

Преодо мной возник образ Нерукотворного Храма. Как известно, храм представляет собой пространство, организованное для посвящения неофитов в некие таинства. Этот храм возник сам, его

никто не создавал; он повсюду, хотя никто не знает о его существовании. Однако многие уже побывали в нем, получив посвящение в таинства жизни.

Прообразом организации этого храма служит устройство легендарных храмов древности, состоявших из анфилады помещений; двери их открывались неофитом по мере того, как он обретал необходимый для этого опыт. В каждой из комнат он находил все новые надписи и предметы, постижение смысла и назначения которых позволяло ему открыть следующую дверь. Немногие достигали последней комнаты, хранящей тайну высочайшего посвящения. Разгадав невысказанные загадки и одолев хитроумные запоры, посвящаемый преступал порог и обнаруживал, что последняя комната храма пуста.

Эх, дурят жрецы народ почему зря! – для некоторых этим постижением высочайшее посвящение исчерпывалось. Но, подобно самой пустоте, постижения пустой комнаты неисчерпаемы; просто каждый получает здесь то, к чему он испытывает действительную глубинную предрасположенность. В частности, пустота таит возможность постичь, что последняя комната храма не пуста, – что в ней нахожусь я сам.

"А что мы будем сегодня делать?" – с ужасом спрашивают друг друга хиппи, просыпаясь в пять часов вечера в жуткой пустоте, многократно умноженной медикаментозной абстиненцией. Ничего себе "храм", не так ли? Но использование неконвенциональных средств как раз традиционно для практики храмового посвящения, – практики закрытой не в последнюю очередь по той причине, чтобы не шокировать непосвященных. И возможно ли в принципе смоделировать благополучную во всех отношениях учебную ситуацию, которая бы столь жестко обращала молодого человека к основному вопросу мировоззрения: "Что делать мне в этом мире?" Во всяком случае, до сих пор подобная ситуация разработана не была – ни учителями прошлого, ни Академией педагогических наук.

Согласно преданию, для неофита храмовые посвящения были связаны с возможностью не только возвыситься, но и пасть, не только обрести, но и потерять, не только вступить в новую жизнь, но и погибнуть. Подлинный храм тем и отличается от балагана, что

человек встречается в нем с **действительными** испытаниями и опасностями.

Образ Нерукотворного Храма родственен древнему образу Незримой Школы, недавно включенному в понятийный арсенал науковедения. Хотя социология, подобно другим современным наукам о человеке и обществе, тяготеет к без-образному языку отвлечённых понятий, образ Нерукотворного Храма может сыграть роль "организующей матрицы" дальнейшего понятийного анализа "молодежной культуры".

Следует отметить, впрочем, что мертвый язык отвлеченных понятий, неспособный пробудить в непрофессионале ничего, кроме скуки и раздражения, вряд ли можно считать конструктивным средством общения с "контркультурной" молодежью, – тем более средством пробуждения ее самосознания. А последнее, надо полагать, и составляет конечную задачу "социологии контркультуры", если она не хочет оставаться "наукой для науки".

май 1987

● К НАЧАЛУ ●

Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев)